3. Shabalin M.N. Russkie govory na jugo-vostoke Kubani (k voprosu o vzaimodejstvii blizkorodstvennyh jazykov): dis. … kand. filol. nauk. M., 1952.

4. Shabalin M.N. O proishozhdenii nekotoryh chert russkogo kubanskogo dialekta // Voprosy istorii russkogo jazyka. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1959. S. 302–312.

5. Shejnina E.P. Ukrainskie zaimstvovanija v govore st. Tenginskoj Krasnodarskogo kraja (K sostavleniju slovarja govorov Krasnodarskogo kraja) // Trudy Krasnodar. gos. ped. in-ta. Krasnodar, 1963. Vyp. 31: Voprosy izuchenija russkogo jazyka. S. 67–74.

Typological characteristics of Kuban dialect

The article aims to determine the language status of the Kuban dialect as the idiom of the mixed type that has the East-Western (Russian-Ukrainian) language foundation.

Key words: *Kuban dialect, Kuban dialects with South Russian language foundation, Kuban dialects with Ukrainian language foundation, mixed dialects.*

(Статья поступила в редакцию 19.10.2016)

Л.Ю. КОСТИНА
(Краснодар)

ПОЛЕВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В АПШЕРОНСКИЙ РАЙОН КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ: НОВЫЕ ФИКСАЦИИ*

Предлагается анализ не зафиксированных ранее локализмов, локальных ЛСВ и фразеологизмов, записанных в Апшеронском районе Краснодарского края в ходе диалектологической экспедиции.

Ключевые слова: *кубанские говоры, локализм, локальный ЛСВ, локальный фразеологизм.*

В июле 2015 г. была проведена диалектологическая экспедиция в Апшеронский район, цель которой – приступить к изучению говоров горно-предгорной восточной зоны, одной из 10 лингвогеографических зон Краснодарского края [2]. Записи информантов проводились в следующих населённых пунктах Апшеронского района: в ст-цах Кабардинской, Кубанской, Куринской, Лесогорской, Линейной, Нижегородской, Тверской, Ширванской, на хут. Городок, Ерик. Собранные лексика и фразеология были рассмотрены нами в генетических координатах [1, с. 234–249]. Данный подход позволяет определить, являются ли слова, функционирующие в говорах позднего образования, принадлежностью материнской лексической системы, вошли ли они в местный диалект из других языков, непосредственно с ним контактирующих (в нашем случае – из языков народов Кавказа), или представляют собой локализмы, родившиеся «на местной почве». Проведённый анализ продемонстрировал, что большая часть диалектных лексических единиц в говорах Апшеронского района – принадлежность южнорусского диалекта. Между тем удалось записать слова и значения слов, не зарегистрированные в лексикографических источниках. Адекватному толкованию локализмов, выявлению оттенков значения и эмоционально-оценочных характеристик способствуют живой контакт собирателя с информантами, его непосредственное участие в беседах. Среди новых фиксаций можно выделить собственно локализмы и локальные ЛСВ общенародных и диалектных слов. Рассмотрим их более подробно.

Локальные ЛСВ. Глагол *вы'кинуть* зарегистрирован в говорах Апшеронского района в значении ‘вывесить белье во двор’: *Пастира'ла, вы'сушыла фсё. Вы'кинула, праве'трила – и гато'ва* (Л.И. Жежель, 1936 г. р., ст-ца Тверская). В СРНГ данное значение не отмечено. В МАС глагол имеет 6 ЛСВ, приведенное диалектное значение, вероятно, развилось на базе 1-го общенародного ЛСВ ‘кинуть наружу, прочь, освободиться от кого-чего-л. как ненужного, выбросить’ [5, т. 1, с. 259].

Широкую дистрибуцию имеет в Апшеронском районе семантический диалектизм *гита'ра* в локальном ЛСВ ‘сорт жёлтой продолговатой тыквы’: *Есть таки'е кабаки', как называ'ицца, как гита'ра. У галаве' – там се'мички, а тут то'жы, но тако'е дли'ннае, быва'ет, пады'миш йиво' ота'к, тибе' в по'ис. И э'та мя'кать вся, ат хваста' и да галавы', там, в галаве', се'мичик нимно'шка, а то фсё мя'кать. Да, как ани' кабаки', мы их «гита'ра» называ'им* (Л.П. Плотникова, 1932 г. р.,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 16-14-23002/16.

© Костина Л.Ю., 2016

ст-ца Кабардинская). Диалектное значение общенародного существительного образовано по продуктивной в говорах метафорической модели *бытовой предмет → растение*. См., например, в кубанских говорах: *бато'г* '1) кнут в виде длинного ремня на деревянной палке; 2) *чаще мн.* побеги на огурцах, арбузах', *гле'чик* '1) глиняный кувшинчик; 2) сорт помидоров продолговатой формы' и др.

В результате метафорического переноса у общенародного слова *гнездо'* развилось локальное значение 'плацента, детское место': *Ади'н* (ребёнок*) нижыво'й нашо'лся… И тот чёрниньки́й-чёрниньки́й был, а э'тат ры'жый, и он жэ ш пазадиржа'лся, вот так худо'й, и ка'к-та ш он вот вы'шыл. И сафсе'м вот тут гниздо' аднаво', вот тут доуго'ва. Уме'сьти з гниздо'м вы'шыл* (А.Я. Горлова, 1932 г. р., ст-ца Тверская). В СРНГ лексема представлена как многозначная. Из 20 зарегистрированных ЛСВ в наших материалах отмечен только один – 'семья'.

У общенародного глагола *игра'ть* было записано значение 'закипать от злости, ревности'. Приведём лексему в высказывании информанта: *Муш был ривни'вый. Сидим' кампа'нией, пе'сни паём. Ага', ви'жу, што он ужэ' игра'ит. Ви'жу, што он ужэ' ме'чицца. А кум заме'тил, шо тот игра́ит. Он иво' вы'вил в сат. Дава'й йиму': «Кум, ты чё здуре'л? Ты за што' куму' бьёш? Ана' ш сиди'т сриди' жэ'нщин, пе'сни паёт, и ты ужэ' игра́иш!»* (В.М. Миляева, 1937 г. р., ст-ца Лесогорская). В СРНГ данный глагол является межсистемным полисемантом, имеющим 17 значений [4, т. 12, с. 67–69], из которых в кубанских говорах бытуют следующие: '1) петь (песни); 2) бродить (о жидкости)'. Представляется, что локальный ЛСВ связан со вторым значением по сходству представлений о характере протекания действия.

Диалектизм *кво'чка*, помимо полидиалектных значений '1) курица-наседка, 2) курица с цыплятами', зарегистрирован на Кубани в локальном значении 'сорт зубчатого лука'. Приведём высказывание, в котором сам информант объясняет внутреннюю форму слова: *Кво'чка – зу'бчатый лук. Он на ча'сти распада'ицца, и как у кво'чки цыпля'та – до'льки* (ст-ца Чамлыкская Лабинского района). На Кубани лексема в данном значении имеет широкую дистрибуцию. В лесном Апшеронском районе диалектизм функционирует ещё в одном в локальном значении – 'грибы, растущие скученно'.

Локальный ЛСВ 'хлопоты, суета' зафиксирован у существительного *колотня'*: *Палуча'ли ма'ла на вадака'чки. Я вот ни по'мню: два ра'за миня'ли де'ньги по'сли ва'йны или рас? Я ужэ' забы'ла. Што он получа'л тры'ста рубле'й, а пато'м тры'цать рубле'й. Нули' убра'ли, шоп ме'ньшы калатни' бы'ло* (М.Т. Матвиенко, 1925 г. р., ст-ца Ширванская). Слово *колотня'* образовано от глагола *колоти'ться* '*прост.* употреблять все силы для достижения чего-л., биться, хлопотать, стараясь сделать что-л.' [5, т. 1, с. 75] по продуктивной деривационной модели «основа глагола + Н(Я)», ср.: *колготи'ться → колготня'*, *суети'ться → суетня'* и др. В других русских говорах слово отмечено в следующих ЛСВ: '1. Болтовня, пустые разговоры. 2. Спор, ссора, раздоры' [4, т. 14, с. 182].

Слово *крапи'вник* функционирует в литературном языке в двух ЛСВ: '1. Заросли крапивы. 2. Очень мелкая подвижная птичка отряда воробьиных…' [5, т. 2, с. 120]. В Апшеронском районе лексема зарегистрирована в следующих значениях: 1) лепёшки из крапивы; 2) о человеке, выросшем на *крапивниках*'. Приведём контексты для первого ЛСВ: *Крапив'а – э'та жгу'чка. Рва'ли иё, а пато'м абдава'ли кипитко'м и де'лали липёшки. Е'сли муки' нет, пря'ма крапи'вники так де'лали. Мы павы'расли на э'тай крапи'ви, паэ'таму лю'ди ста'рыи выно'сливие ат вас. Зато' мы, все ста'рыи, до'лга жыву'т. И гаваря'т, все крапи'вники таки'е до'лгажыву'чие, кто ел крапи'ву* (А.Ф. Дудкина , 1937 г. р., ст-ца Ширванская); *Крапиву ели. Жыгуку. Мамка, напэки крапивяникав нам. Там муки чуть-чуть, а то крапива адна* (А.И. Алпеев, 1931 г. р., хут. Городок). Следует пояснить, что жители Апшеронского района в голодные годы выживали за счёт лепёшек из крапивы, их номинации имеют в изучаемых говорах несколько словообразовательных вариантов, ср. *крапивник*, *крапивяник*, *крапыванки*, что подчёркивает актуальность данной реалии в прошлой жизни носителей диалекта: *В аснавно'м крапы'ву, крапы'ву, э'та ис крапы'вы, крапы'ву атва'ривали, во'ду слива'ли, и крапыва'нки называ'ли, пыкли' крапыва'нки, а пато'м мы крапыва'нки бала'дим карто'шку, суп како'й-та, ни да'й Бох, ни да'й Бох* (Н.Н. Перепелица, 1924 г. р., ст-ца Нижегородская); *В аснавно'м была' крапива', жыгу'ка. Борш вары'лы, липёшки пикли', крапы'вники. С ко'рним липёшки. А пайдём в лес, накапа'им карне'й. Ани' пахо'жы на чисно'к, но то'ка ваню'чии-ваню'чии, лика'рства ваню'чии тако'е есть.*

Накапа'им, крапивы' туда', есть – мук'ички чуть сыпну'ть. А ма'сла не' была, кое-де' дастаёт салидо'л и пикли' (Н.А. Ковалев, 1933 г. р., ст-ца Кабардинская). Второй ЛСВ существительного *крапивник* связан с первым значением по типу метонимического переноса, соответствующего модели *пища → человек, употребляющий эту пищу* (см. также в кубанских говорах: *мы'нтус* '1) вкусная еда; 2) человек, любящий вкусно поесть'). Отметим, что в русских говорах у лексемы зафиксировано 7 значений, из которых два номинируют человека: '6. О внебрачном ребёнке. 7. Прозвище' [4, т. 15, с. 169], значения же, связанные с пищей, не зарегистрированы.

Если в курских говорах существительное *пы'шка* номинирует заносчивую, высокомерную женщину (см.: [Там же, т. 33, с. 206]), то в изучаемых нами говорах этой лексемой называют обиженного, надутого человека: *Пы'шкай миня' называ'ли: я как ото' рассирдю'сь, наду'юсь, и гаваря'т: «Пы'шка ужэ' наду'лась»* (В.И. Красникова, 1939 г. р., ст-ца Кубанская).

Прозрачной внутренней формой обладает существительное *тарахту'шка*, записанное в локальном ЛСВ 'сорт мелких сладких яблок': *Из гру'ш кампо'т вари'ли. Да и бы'ли ш я'блаки тада'. Бальшынство' сла'ткии. Как называ'ють? «Тарахту'шки» их называ'ють и'ли как? Ани' как паспе'ють – симина' тарахтя'ть. Ме'лкии таки'и, из ни'х узва'р харо'шый, пирашки' харо'шыи* (Е.С. Бузулукова, 1936 г. р., ст-ца Линейная).

Собственно локализмы. Лексический диалектизм *брында'к* был записан в следующих контекстах: *Брында'к – э'та като'рый нижына'тый, ни симьи' у ниво' не'ту. Э'та гуля'щий мужы'к* (Е.С. Ковалёва, 1941 г. р., ст-ца Кабардинская); *Прыду' на кла'дбище – мой брында'к весь в цвита'х лижы'ть* (Клавдия Ильинична, 1939 г. р., ст-ца Тверская). *Брындако'м* Клавдия Ильинична, отказавшаяся назвать свою фамилию, иронически называет своего покойного мужа, жизнь с которым сложилась непросто. Он был видным мужчиной, любил хорошо одеваться, выпивать, заводил романы на стороне. Следует подчеркнуть, что информантом сформулированные нами значения '1) щёголь, франт; 2) гуляка, любитель женщин' не дифференцируются. Локализм имеет как структурные, так и семантические отличия от однокоренных слов, зарегистрированных в лексикографических источниках. Так, в СРНГ отмечены существительные *бры'нда* '1. Девушка небольшого роста, не отличающаяся умом и ленивая. 2. Капризный, обидчивый человек. 3. Распущенная женщина' [4, т. 3, с. 218] и *бры'ндик* '1. Щеголь, франт. || Выскочка. 2. Лентяй' [Там же, с. 218–219], а также глагол *бры'ндать* 'бездельничать, мотаться без цели, без нужды; бить баклуши' [Там же, с. 218]. Лексема *бры'ндик* в первом ЛСВ зафиксирована в ст-цах Ладожской и Некрасовской Краснодарского края [3, с. 45].

В воспоминаниях многих информантов о тяжелых, голодных годах часто встречались рассказы о лепешках из лесных груш – *груша'никах*: *В лису' гру'шы сабира'ли, мало'ли их на мясару'пки и нимно'шка туда' кукуру'знай муки' дабавля'ли. Кукуру'зу сади'ли и дабавля'ли кукуру'знай муки'. И вот э'та пикли' липёшки, называ'лись груша'ники. Вот эта я по'мню* (Е.Г. Погорелова, 1941 г. р., ст-ца Лесогорская); *Мы ищо' вот чем пита'лыся. В лису' гру'шки, о'чинь мно'га бы'ла. Сабира'лы, харо'шыи такы'и бы'ли, лёжаныи. Харо'шыи, спе'лыи-спе'лыи гру'шы. Пато'м их распа'рывали у пе'чки. И тада' на мясару'пки, у каво' есть мисару'пка, у каво' нима' – талку'шкай, и чуть-чуть муки'чки, паваля'им, паваля'им, и называ'лись груша'ники. Или картапля'ники. Карто'шку то'чна так жы чуть-чуть в муке' паваля'им. Картапля'ники. Из карто'шки. А з груш – груша'ники. Э'та вро'ди как хлеп вро'ди* (М.Т. Матвиенко, 1925 г. р., ст-ца Ширванская); *Груша'ныкы называ'лы, груша'ныкы э'ти… Груш нава'рят, на'да чуть груш, таки' катле'ты вро'ди наде'лають – груша'ныкы пекли'* (Н.Н. Перепелица , 1924 г. р., ст-ца Нижегородская). В СРНГ лексема отсутствует. Словообразовательная модель «основа производящего существительного + -АНИК» является для говора Апшеронского района достаточно продуктивной, ср. *жегуча'ник* 'лепёшка из крапивы', *картопля'ник*, *картофля'ник* 'картофельная лепёшка', *крапивя'ник* 'лепёшка из крапивы', *фасоля'ник* 'лепёшка из фасоли'.

Копни'к 'коршун'. *Капни'к – ко'ршун бальшо'й. В аснавно'м на капна'х сиди'т, иво' так и назва'ли капни'к. Сиди'т на капне' и рассма'триваит, где гадю'ка, где што. Лита'ит, рас – гадю'ку пайма'л. Он здаро'вый* (Н.А. Ковалёв , 1933 г. р., ст-ца Кабардинская). Прозрачная внутренняя форма слова раскрывается в рассказе самого информанта. Словообразовательная модель является достаточно продуктивной: «основа производящего существительного + -ИК».

Локальные ФЕ. *Вы'ходец с жизни*: *Ви'ктар Гаври'лыч* (В.Г. Захарченко, руководитель Кубанского казачьего хора) *гавари'т: «Абиза'тильна э'ту пе'сню по'йти». Мы йиму' напе'ли и гавари'м: «Э'ту ни на'да. За жы'нку». А он гавари'т: «На'да-на'да, как ра'ньшы бы'ла, так и на'да». Он жы вы'хадиц с э'тай, ж жызни* (В.П. Перова, 1930 г. р., ст-ца Кубанская). Устойчивое выражение синонимично общенародному выражению «человек из народа», им называют того, кто познал тяжёлую жизнь простых людей на собственном жизненном опыте.

А/Обо'рку пришиʼть 'сделать аборт'. *Што'бы при де'тях ни гавари'ть слов по'шлых, гавари'ли не «або'рт зде'лала», а «або'рку пришы'ла». Ана' або'рку пришы'ла* (Н.В. Гвоздев, 1952 г. р., ст-ца Кубанская). Устойчивое выражение является эвфемизмом. Построено на созвучии слов *або'рт* и *о[а] бо'рка*.

Расти' на чи'стой душе' 'расти в почве, не обработанной химикатами': *Щас атра'влина фсё, фся атмасфе'ра. Щас мы ни жывём, а му'чимся. Туды'-сюды' – ужэ гарба'тый. Щас маладёш ху'жы, чем ста'рыи. О'чинь ани' заражо'нные фсе по'лнастью. Ра'ньшы э'тай хи'мии не' была. Сича'с вон хлеп пасе'ят, ско'ка ани' туда' удабре'ния тра'тят. А тада' ш хле'бушык рос на чи'стай душэ'. Никако'во химика'та, ничёго' ш ни дава'ли. И хлеп был ад душы'. А щас вон вазьмёш бу'лку, да в рот иё ни вапхнёш* (Н.А. Ковалёв, 1933 г. р., ст-ца Кабардинская). Вероятно, земля, почва в сознании носителей диалекта обладает *душой, чистая душа* – почва, не загрязнённая химическими удобрениями.

В ст-це Кабардинской было записано устойчивое номенклатурно-терминологическое словосочетание *неве'ста в капроне*, которым здесь называют садовое растение – спирею белую (Spiraea). Эту номинацию куст получил благодаря пышным белым цветам: *Де'рива бе'лым цвитёть, называ'им «ниве'ста в капро'ни». Ве'тки таки'и, как вино'к у ниве'сты. Ана' пахо'жа на ба'рыню*.

Фиксация локализмов, записанных полевым методом, подтверждает, что важнейшим источником новых сведений о жизни слова на территории распространения говора являются диалектологические экспедиции. Они дают уникальную возможность изучения языка малой родины в естественных условиях его бытования. Собранный диалектный материал демонстрирует локальное своеобразие говоров Апшеронского района. Наличие локализмов подтверждает, что кубанские говоры, несмотря на так называемую «вторичность», проходят в русском диалектном континууме свой самостоятельный путь развития.

Список литературы

1. Борисова О.Г. Лексико-семантическое пространство говоров позднего образования в генетических координатах (на материале говоров Кубани) // Севернорусские говоры. Вып. 14. СПб., 2015. С. 234–249.
2. Борисова О.Г., Костина Л.Ю. Экстралингвистическая база изучения современных кубанских говоров: устойчивость и изменчивость основных параметров // Известия Волгоградского государственного университета. Сер. «Филологические науки». 2014. № 5 (90). Волгоград, С. 73 –79.
3. Русский говор Кубани: словарь / под ред. Е.П. Шейниной и Е.Ф. Тарасенковой. Краснодар, 1991. Деп. В ИНИОН Рос. акад. наук 12. 11. 92. № 47266. (РГК)
4. Словарь русских народных говоров. М.–Л., 1965–2015. (СРНГ)
5. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985–1988. (МАС).

* * *

1. Borisova O.G. Leksiko-semanticheskoe prostranstvo govorov pozdnego obrazovanija v geneticheskih koordinatah (na materiale govorov Kubani) // Severnorusskie govory. Vyp. 14. SPb., 2015. S. 234–249.
2. Borisova O.G., Kostina L.Ju. Jekstralingvisticheskaja baza izuchenija sovremennyh kubanskih govorov: ustojchivost' i izmenchivost' osnovnyh parametrov // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Filologicheskie nauki». 2014. № 5 (90). Volgograd, S. 73 –79.
3. Russkij govor Kubani: slovar' / pod red. E.P. Shejninoj i E.F. Tarasenkovoj. Krasnodar, 1991. Dep. V INION Ros. akad. nauk 12. 11. 92. № 47266. (RGK)
4. Slovar' russkih narodnyh govorov. M.–L., 1965–2015. (SRNG)
5. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / pod red. A.P. Evgen'evoj. M., 1985–1988. (MAS).

Field expedition to the Apsheronsky district of Krasnodarsky Krai: new facts

The article represents the analysis of the local words, local lexical and semantic variants and phraseological units that were not fixed before. The dialectological expedition took place in the Apsheronsky district of Krasnodarsky Krai.

Key words: *Kuban dialects, local word, local lexical and semantic variant, local phraseological unit.*

(Статья поступила в редакцию 19.10.2016)